

А. С. ДЕМИН

Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв.

(ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)

Среди разнообразных жанров древнерусской литературы известны так называемые письмовники — сборники образцов посланий к разным лицам. Письмовники нередко могут расцениваться как своеобразный отгосок современной им общественно-политической обстановки. В составе их нередко встречаются послания, которые можно считать литературными (например, «Послание дворянина дворянину») или в которых можно найти элементы литературности. Перед нами, по-видимому, еще один пример связи или тенденции к связи деловой письменности с литературой.

Научная литература о письмовниках очень невелика, специальным предметом изучения они еще не были.¹ Итак, объем предстоящей работы довольно велик: от археографических разысканий, чтобы узнать, сколько разных письмовников сохранилось, до текстологического и историко-литературного исследования каждого письмовника, каждой редакции, каждого списка. Задача этой статьи — коротко охарактеризовать некоторые примеры, по которым можно судить об истории и особенностях письмовников.

В настоящее время мне известно с письмовниками до 170 рукописей XVI—XX вв.² Часть их содержит следующие древнерусские письмовники: 1) Неозаглавленный письмовник с 6—8 образцовыми посланиями, составленный не позже конца XV в.; 2) письмовник «Посланием начало, егда хощеши кому послати: к вельможам или ко властным людем, — кому ся ни есть имя рек» с 6 большими посланиями, составленный не позже 1541 г.; 3) письмовник «Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку» с 60—70 маленькими посланиями, составленный не позже конца XVI в.; 4) разные письмовники XVI—XVII вв., не получившие широкого распространения: каждый из них известен обычно в одном списке.

¹ Исследователи подходят к письмовникам примерно с трех направлений. Во-первых, при археографической работе: найденный список письмовника описывают, иногда издают, а иногда и кратко анализируют. Во-вторых, письмовников касаются при изучении истории русского просвещения (А. С. Орлов). И в-третьих, когда исследователей интересуют эпистолярные произведения разного рода: публицистические послания (Я. С. Лурье), произведения демократической сатиры (В. П. Адрианова-Перетц), любовные письма (Д. С. Лихачев) и т. п.

² Точнее, 169 рукописей. Из них 33 известны только по описаниям, уже большей частью устаревшим (в том числе описания и частичные издания украинских, русско-молдавских, сербских, болгарских письмовников). Просмотрено в подлиннике 136 рукописей с письмовниками, из них один письмовник сербский (ГБЛ, собр. Григоровича, № 52). Вероятно, много списков осталось мне не известными. Виною этому главным образом неописанность большого количества сборников, неполнота описаний и малодоступность ненапечатанных периферийных описаний.

Один и тот же письмовник повторяется в списках, как правило, с разными пропусками и разными дополнениями, иногда в компиляции с другими письмовниками. Так же переписываются и отдельные образцы посланий. Нестабильность текстов письмовников чаще мешает в текстологической работе, сокращая материал для сопоставлений. Поэтому при относительно небольшой величине письмовников и их посланий необходимо учитывать все разночтения списков и все известные случаи компиляции. Коснемся лишь вопроса крупной группировки списков.

Между списками Неозаглавленного письмовника сразу можно обнаружить разницу в коставе и «идейные» разночтения, что позволяет разделить списки на две редакции — раннюю и позднюю. Например, для списков ранней редакции характерны образцы посланий к великому князю, ко владыке, к игумену. В поздней редакции первое послание переделано в послание к царю, а два остальных заменены посланиями к митрополиту.

Списки письмовника «Посланием начало, егда хощешу кому послати» содержат мало разночтений, но обращает на себя внимание их «конвой», по этому признаку их можно разделить на два вида. Например, один вид списков встречается только в Великих Четых-Минях митрополита Макария или в списках, как-то восходящих к Минеям. Другой вид встречается в формулярных сборниках. Для объяснения такой закономерности, очевидно, необходимо текстологическое изучение в целом Великих Четых-Миней и формулярников. Если судить по мелким разночтениям, то оба вида письмовника независимо восходят к общему протографу. Письмовник «Сказание начертанию епистолиям» — самый большой из указанных, наиболее обильный по дошедшим спискам и наиболее текучий по составу и текстам посланий, здесь приходится иметь дело с частыми, но мелкими разночтениями. Списки его делятся на три вида: от общего протографа ответвляются два вида, компилируемые третьим. От третьего вида происходит новый письмовник «Каким образом писати и х кому письма» конца XVII—начала XVIII в.

Датирующие и местные приметы письмовников, как следовало ожидать, очень скудны и неясны: книжники ведь обычно прочли письмовник на долгое и широкое употребление, отбирая, с их точки зрения, «общие», «вечные» темы для образцовых посланий и вытравляя детали, которые осознавались ими как неуместные следы прошлого. Поэтому определять время и место составления письмовников приходится как бы вопреки воле составителей, по тем неожиданностям и поворотам истории, которых они не могли предусмотреть. Отсюда верхняя граница появления письмовников обычно более ясна, чем нижняя, а выводы необходимо делать на комплексе всех примет, проверяя их затем при историко-литературном анализе.

Наиболее ясными местными приметами Неозаглавленного письмовника можно считать две — происхождение сборников, его содержащих, и его «конвой» в них. Можно предполагать северное, быть может новгородское, происхождение письмовника: большинство сборников бытовало в северных хранилищах, причем сборники с ранней редакцией явно новгородские, а письмовник в сборниках окружают северные, часто новгородские произведения (например, Послание архиепископа новгородского Василия о рае, послания других новгородских владык и к ним, Повесть о белом клобуке, Сказание о начале Софии новгородской и т. д.). Из

датирующих примет письмовника наиболее бесспорно время старшего списка. Однако в данном случае в наиболее древнем списке сохранились два компилятивных послания, в которых только частично был использован Неозаглавленный письмовник (лл. 171 об.—174 об., 185—187 об. в известном формулярном сборнике № 562 Синодального собрания ГИМ). Изучение этих компилятивных посланий позволяет думать, что Неозаглавленный письмовник был составлен не позже конца XV в., вероятно не позже 1492 г. Дополнительные датирующие приметы замечаются лишь в двух посланиях к самым главным адресатам ранней редакции — к великому князю и ко владыке. При определенном толковании их можно предполагать, что письмовник был составлен вероятнее всего в 1475—1477 гг. Например, великий князь (а затем и царь в поздней редакции) постоянно называется «господином», а не «государем», но только в ранней редакции просят великого князя «призрети к нам, и присетити, и ущедрити, и помиловати». Эти слова можно связывать с новгородско-московским спором о титуловании Ивана III в 1477 г., с крестным целованием новгородцев «государю великому князю» Ивану III в январе 1478 г. и с великокняжескими посещениями Великого Новгорода, особенно с походом «миром» Ивана III в конце 1475—начале 1476 г.³ Или, например, в очень благожелательном послании владыку просят «помощи нам о души и телеси». Думается, что подобную просьбу ко владыке в новгородском письмовнике нельзя относить ко времени позднее января 1480 г., когда был арестован и сослан новгородский владыка Феофил, смещенный крайне непопулярным Сергием.⁴ Неозаглавленный письмовник является, по-видимому, одним из проявлений интереса к посланиям и эпистолярным формулярам в период московско-новгородской борьбы второй половины XV в., сопровождавшейся изменением формуляров официальных документов, множеством посланий и даже составлением специальных актов-эпистолярных сборников.

Поздняя редакция письмовника, судя по тому же синодальному формулярику № 562, возникла не позже 1492 г. Местным, вероятно опять новгородским, признаком поздней редакции можно считать то, что епископ здесь представлен как фигура, по меньшей мере равная митрополиту: на первом месте в письмовнике стоит пышное послание к митрополиту или епископу и лишь на втором — менее украшенное послание только к митрополиту (от епископа).

Письмовник «Посланием начало, егда хощещи кому послати» был составлен не позже 1541 г.: он находится уже в Софийском списке Великих Четых-Миней. Дополнительное датирующее значение имеет одна идейная черта письмовника, характерная лишь для определенного исторического периода, — превознесение «вельмож» и, пожалуй, не совсем почтительное отношение к царю. В данном случае сразу напрашивается связь с периодом малолетства Ивана IV, особенно со временем боярского правления. Так, например, в самой заглавии письмовника намечен такой круг адресатов: «...егда хощещи кому послати: к вельможам или ко властным людем, — кому ся ни есть имя рек». И действительно, все послания адресуются к «государям» «вельможам» светским и духовным. Но послания к царю в письмовнике нет, царь словно не включен в число «властных людей». Он и упоминается в письмовнике лишь дважды вскользь, например, когда в пятом по счету послании некий «служба»

³ Вопросы верности приводимых толкований и сопоставлений здесь и далее я не касаюсь: во-первых, из-за ограниченных размеров статьи, во-вторых, из-за самой ее темы — наметить возможности разрешения тех или иных задач.

⁴ См., например: Макарий. История русской церкви, т. 6. СПб., 1870, стр. 75.

пишет к «вельможе»: «к божии любви ревнителю, и к царьскому совету и ко государьскому приателству желателю». По другой дополнительной примете — титулованию духовного «вельможи» — составление письмовника можно отнести ко времени митрополита Иоасафа, к 1539—1541 гг. Так, второе по счету послание письмовника адресуется к «архиепископу», «святым собором избранному». Послание имеет в виду, вероятно, митрополита, так как в последней четверти XV в. архиепископы на Руси назначались, а не избирались,⁵ а титул архиепископов носили и митрополиты.⁶ Но в малолетстве Ивана IV до 1541 г. избран собором был лишь Иоасаф.⁷ Ясных признаков, где был составлен письмовник, заметить не удалось, можно лишь неуверенно предположить его новгородское происхождение: старший список письмовника находится как раз в Софийских, новгородских Великих Четвях-Минеях, а послание к митрополиту-архиепископу, вероятно, имеет какой-то общий источник с посланием ко владыке из Неозаглавленного письмовника.

Датирующих и местных примет письмовника «Сказание начертанию епистолиям» подбирается совсем мало. Составлен письмовник не позже конца XVI—начала XVII в., если судить по его самому раннему списку (ГПБ. Q. XVII. 149, сборная рукопись, где находится и так называемый Коншинский список Домостроя⁸). Благодаря особенности состава ранних списков время составления письмовника, вероятно, можно отодвинуть до 1589 г., до года учреждения русской патриархии: в ранних списках нет послания к патриарху, хотя есть образцы посланий к митрополиту и другим святителям. Наконец, окружение этого письмовника в списках тоже как будто свидетельствует о более позднем происхождении его по сравнению с двумя предыдущими письмовниками (чаще всего Повести или материалы об Азовском «сидении», Хождение Трифона Коробейникова, Азбуковники). Нижняя граница составления «Сказания начертанию епистолиям» остается неясной. Каких-либо ясных местных признаков в письмовнике не обнаруживается. Опять лишь неуверенно можно предположить его московское происхождение: иначе ни к чему были бы образцовые послания к царскому постельнику, к царскому казначею, к царскому палатнику.

В нескольких разных письмовниках, известных лишь по одному списку, местных и датирующих примет обычно достаточно: это географические названия, личные имена и так далее, как еще не вытравленные следы «дописьмовной» предназначенности посланий. Ограничимся наиболее крупными письмовниками в следующих рукописях: 1) ГПБ, собр. Петербургской Духовной академии, № 430; 2) ГПБ, Q. XVII. 67; 3) ГПБ, Q. XV. 2; 4) ГБЛ, собр. Тихонравова, № 380; 5) ГПБ, F. III. 124. Письмовник собрания Петербургской Духовной академии, № 430 связан, вероятно, с новгородско-псковской областью: во-первых, в него включены различные послания к архиепископу новгородскому Макарию, послание архиепископа новгородского Феодосия и челобитная псковского житничного ключника с упоминанием новгородских владык, во-вторых, в его образцовых

⁵ См.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2, ч. 2. М., 1917, стр. 37.

⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 131.

⁷ С последней четверти XV в. до 1541 г. собором епископов были избраны лишь митрополиты Геронтий (1472—1489), Симон (1495—1505) и Иоасаф (в 1539 г.). См.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2, ч. 1. М., 1900, стр. 516, 532, 608, 610—612, 648 и сл., 739 и сл.; т. 2, ч. 2, стр. 23; Макарий. История русской церкви, т. 6, стр. 149—150, 166, 205.

⁸ Датировку этой рукописи см.: А. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908, стр. 35, 40.

посланиях часто используются отрывки из челобитной А. Шуйского к новгородскому архиепископу Макарию и отрывки из Неозаглавленного письмовника. Составился письмовник, по-видимому, в основном на материале 1540-х годов, но не ранее 1570 г.: в конце письмовника в челобитной житничного ключника упоминается время «после архиепископа Пимена» «вифенского» (очевидно, имеется в виду архиепископ Новгородский Пимен Черный, основавший Тихвинский монастырь и попавший в опалу в 1570 г.).⁹

Письмовник Q.XVII.67, наверное, кирилло-белозерского происхождения: подавляющее большинство его образцовых посланий направлено из монастырей и скитов этого края (например, из Зосиминой пустыни Ворбозомского Благовещенского монастыря, из Кирилло-Белозерского монастыря, из Нилсорского Кирилловского скита и т. д.). Судя по датам, упоминаемым в посланиях, письмовник был составлен не ранее 1593 г., скорее всего в самом начале XVII в. По тем же признакам письмовник Q, XV. 2 можно считать вологодско-пермским: здесь упоминаются монастыри Коряжемский Николаевский, Корнилиев Введенский, Устюг-Архангельский, Пыскорский Никольский и т. д. Он был составлен не ранее 1607 г., скорее всего в 1610-х годах: например, в одном из посланий сохранилось имя игумена Коряжемского монастыря (Исидор, 1607—1615¹⁰). Письмовник собр. Тихонравова, № 380, вероятно, московского происхождения 1630-х годов: наряду с несколькими посланиями к царю Михаилу Федоровичу, где упоминаются царские дети, в письмовнике содержится послание к брату патриарха Филарета по поводу смерти последнего (Филарет умер в 1633 г., его пережил лишь один брат — Иван Никитич Романов, умерший в 1640 г.¹¹). Наконец, письмовник F.III.124, что прямо здесь и сообщается, написан в западносибирском городе Сургуте в 1664 г.

Источниковедческие приметы в письмовниках обычно скудны и расплывчаты: чаще всего такой приметой служит состав письмовника, но по составу можно представить лишь общий характер использованных источников. Основная тяжесть работы переносится теперь за пределы письмовника, в первую очередь на просмотр конкретных посланий, предшествовавших письмовнику. Никаких определенных источников Неозаглавленного письмовника найти не удалось. Однако можно утверждать, что Неозаглавленный письмовник не был произведением переводным: об этом свидетельствует постоянное сходство эпистолярных схем и формул письмовника и конкретных русских посланий XIII—XV вв. Подбор посланий позволяет предполагать в первооснове письмовника какую-то местную церковно-монастырскую переписку: большинство посланий в письмовнике адресовано церковным лицам (владыке, игумену, старцу, чернцу), а одно из них сохраняет, вероятно, следы конкретной темы (в послании к старцу автор извиняется перед адресатом, что задержал послать благодарность за какое-то благодеяние).

О возможных источниках письмовника «Посланием начало, егда хощеши кому послати» можно догадываться по текстуальному сходству его

⁹ См., например: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 36; Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь, т. 23а (46). СПб., 1898, стр. 609.

¹⁰ П. Строев. Списки иерархов..., стлб. 754.

¹¹ См., например: Русский биографический словарь, т. 22. СПб., 1901, стр. 94 и сл.; т. 18. Пгр., 1918, стр. 32.

посланий между собой. По-видимому, приступая к составлению письмовника, книжник-компилятор имел в своем распоряжении примерно три небольших послания (первое, начало второго и четвертое): именно их тексты почти целиком и не всегда гладко повторяются и переповторяются в остальных посланиях. Судя по ссылкам в текстах, другим источником его является какой-то самостоятельный нравоучительный материал (толковое евангелие, отцы церкви, Пчела и т. п.), подобранный довольно заботливо: в посланиях, посвященных одной и той же теме, не повторяются ни цитаты, ни даже упоминаемые источники.¹² Об источниках Азбучного письмовника ничего определенного сказать не удается: перед нами, пожалуй, попытка систематизировать массу разрозненных фраз и формул, ходячих в переписке «высокого стиля» XVI в.¹³ Из письмовников, не получивших широкого распространения, можно отметить кирилло-белозерский Q.XVII.67 и московский собр. Тихонравова, № 380. В Q.XVII.67, по собственному признанию составителя, были использованы разные тетради с посланиями, причем сохранилось имя автора одного из посланий, написанное тайнописью: «ничто же сый к десятосугубну двоесотно со осморичным и к шестьсотну десятично со единицею кланяюсь» (л. 212 об.), т. е. «Исихиа». В сборнике стихотворных посланий собр. Тихонравова, № 380 источниковедческой приметой являются акростихи с именем автора: вероятно, ряд посланий написан неким монахом Савватием, одно — стряпчим Алексеем Романчуковым.¹⁴ Авторы других стихотворных и нестихотворных посланий указаны иногда в заглавиях или в конце: некто Михаил Злобин, Федор Иванович Карпов, Федор Андреевич Карпов.

Идейную направленность письмовников можно заметить, как правило, не по темам образцовых посланий, а лишь по скучным косвенным признакам: подбору и последовательности, формуляру и текстуальному сходству посланий. Все образцы новгородского Неозаглавленного письмовника написаны так, как положено было в официальной переписке того времени: например, послание к великому князю почти полностью соответствует официальным упоминаниям и обращениям к князю при богослужении, торжествах, в митрополичьих посланиях и публицистических произведе-

¹² Можно думать, что отрывки из нравоучительной части пятого послания письмовника (или из общего источника) использовал благовещенский протопоп Сильвестр в своем послании 1550 г. к Ивану Грозному. О Сильвестре см.: Д. П. Голохвастов и арх. Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. — ЧОИДР, 1874, кн. I, отд. 1, стр. 14, 81—82, 84—85; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 198—199; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 51—53. Начало пятого послания использовал и архиепископ новгородский Феодосий в послании к Ивану Грозному 1545—1546 гг. (ДАИ, т. I, № 372. СПб., 1846, стр. 39). То, что письмовник использовали лица, жившие в Новгороде — Макарий, Феодосий, Сильвестр, — свидетельствует, возможно, о его новгородском происхождении.

¹³ Очень сходные с письмовником места встречаются в челобитной Андрея Шуйского архиепископу новгородскому Макарию 1533—1538 гг. (ДАИ, т. I, № 27. СПб., 1846, стр. 27) и в первом послании Андрея Курбского к Ивану Грозному 1564 г. [Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 534; РИБ, т. 31. СПб., 1914, таб. 1]. Соотношение этих посланий и письмовника остается неясным, однако соответствующий отрывок в челобитной Шуйского более исправен, чем в письмовнике. [Е. Голубинский думал, что А. Шуйский здесь пользовался письмовником (История русской церкви, т. 2, ч. 1, стр. 761, сноска 5)].

¹⁴ Об Алексее Саввие Романчукове см.: Русский биографический словарь, т. 18, стр. 53; И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы. М., 1962, стр. 280. Известен Савватий — писец Хронографа 1636 г. (см. у И. У. Будовница стр. 283).

ниях XV в. Но именно расхождения с общепринятым формуляром в послании к великому князю позволяют заметить, во-первых, датирующий признак (просьбу к князю о посещении), а во-вторых, признаки немосковского и домосковского происхождения послания: например, великого князя не называют «государем» и «великим князем всея Руси», не упоминают о его месте среди других государей (в начальном обращении к князю вообще отсутствует эпитет «славный»),¹⁵ в конце послания нет обычного приветствия великой княгине и чадам (а у Ивана III в то время были жена и сын), не говорится, что пишут великому князю из его «отчины», нет ни слова о радости и любви авторов к великому князю.¹⁶

Идейно-композиционная противоречивость Неозаглавленного письмовника заставляет подозревать, что в дошедших списках его отразились уже какие-то позднейшие изменения и что первая, древнейшая его редакция до нас не дошла, дошли только списки второй, ранней и третьей, поздней редакций. Так, почти все послания в письмовнике следуют в порядке важности адресатов, имеют несходные тексты и построены одинаково: похвала адресату, авторское самоумаление, пожелания адресату (обычно здоровья) и просьба помочь (обычно молитвой), концовка с упоминанием страшного суда, бога и пр. Но резко нарушает этот порядок послание к «властелину», которого, думается, первоначально в письмовнике не могло быть: оно стоит перед посланием ко владыке (явно поздняя черта — «властелин» поставлен выше владыки), «властелину» желают быть в милости у царя или князя (первоначально письмовнику верноподданностью не отличался), сам адресат назван очень неопределенно, а сам текст послания почти целиком заимствован из предшествовавшего послания к великому князю и необычно краток даже для этого лаконичного письмовника. По признакам того же типа можно выявить позднейшие изменения в послании к монаху: вопреки субординации, оно стоит перед посланием к великому старцу, но заимствует из него кусок текста, отчего композиционные части повторяются. Судя по изменениям за счет именно этих посланий, для второго редактора больше, чем для первого, имели значение светские властители: одно послание к «властелину», а другое — от властителя к монаху («иже в власти чернцу»). Наблюдая состав и последовательность посланий третьей, поздней редакции, можно не очень уверенно предположить отражение в ней теократических и антисекуляризаторских настроений. Так, например, послание к царю поставлено теперь лишь на третье место, после посланий к митрополиту и епископу, а в конце письмовника прибавлено послание к «супротивному», который хочет что-то отнять у адресата. Как раз известно об оппозиции в конце XV в. церковных иерархов Ивану III из-за его секуляризаторских планов.¹⁷ Интересно, что старший из списков ранней редакции (ГПБ, Софийск. 1444,

¹⁵ См. о трех понятиях в титуле Ивана III: И. М. Кудрявцев. «Послание на Угру» Васснана Рыло как памятник публицистики XV века. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 167 и сл.

¹⁶ О противомосковской направленности послания говорить нет достаточных оснований. Но интересно, что, например, Пахомий Серб в московской редакции Сказания о чуде Варлаама Хутынского именовал Василия II великим князем всея Руси, а Новгород — отчиной великого князя. В новгородской же редакции эти слова были опущены. См.: В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908, стр. 230.

¹⁷ См., например: А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 178; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 241—246, 260, 418—419; Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1958, стр. 89—90.

первой половины XVI в.) в дополнительных образцовых посланиях к письмовнику настойчиво пропагандирует вклады в монастырь.

О боярском письмовнике «Посланием начало, егда хощеша кому послати: к вельможам или ко властным людем, — кому ся ни есть имя рек» говорилось выше. Письмовник «Сказание начертанию епископам, предисловиям и посланиям ко всякому человеку», пожалуй, демократичнее своих предшественников: послания распределены здесь в алфавитном порядке по первой букве первого слова, как бы независимо от иерархического соотношения адресатов (эту особенность отмечают некоторые списки, добавляя в заглавии: «сотворено по алфавиту» или «азбука епистолая»). Однако многословная иерархическая система довольно полно коллекционирована в письмовнике: половина адресатов церковных (от митрополита до священника или до монахини), половина светских (вплоть до «мещанина»), среди которых и военные (от воеводы до воина), и ученые (например, «книжный друг» или «философ»), и родные (в том числе вдовая мать, сестра и т. п.).

Для стилистического анализа большинство письмовников дает однообразный материал: чаще всего это наборы шаблонных приложений и эпитетов в похвалах адресатам, шаблонные представления об адресатах. В Неозаглавленном письмовнике адресаты строго официальные, каждое их действие отражается как бы во множестве зеркал благодаря повторению синонимов. Повторение сходных приложений и сравнений в разных контекстах позволяет уловить, что два главных адресата — великий князь и владыка — вызвали у составителя письмовника противоположные эмоциональные представления: грозный, гневный князь и самоотверженный защитник — владыка. Например, и великий князь, и владыка предстают милостивцами своих подчиненных, но в разной связи; ожидаемая милость князя в том, чтобы он простил и помиловал авторов послания, а милость владыки — в заступничестве, покровительстве, помощи. Или например, и князь, и владыка сравниваются с Христом богом, но в разных аспектах: когда сравнение применяется к князю, то бог — это вышний царь, который милостив к людям, исполняющим определенные требования; когда говорится о владыке, то Христос — это пастырь и владыка, проливающий кровь за людей.¹⁸ Несомненно, такие представления в новгородском письмовнике 1470-х годов объясняются впечатлениями от походов Ивана III на Новгород и от заступничества Феофила за репрессированных и казнимых бояр. Недаром в образцовом послании владыка назван «изящным в утешении» и его просят «помощи нам о души и телеси», так как «обычай есть преосвященному ти разуму, благой твоей совести».

¹⁸ Владыка сравнивается также с «пастырем словесного стада». Это распространенное в письменности сравнение обычно связано с представлением, что пастырь «душу свою полагает за пасомая своя». Однако в послании это понятие связано именно с пролитием крови. Ср., например, композиционно очень сходную похвалу Кириллу Белозерскому в его житии, написанном Пахомием Сербом до 1462 г., и другие новгородские жития XV в. См.: В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания, стр. 92, 62. Приложение, стр. LXII. Житие Сергия Радонежского по редакции Е. — ВМЧ, сентябрь, т. 2. СПб., 1893, столб. 1463. Житие новгородского архиепископа Ионы. — Памятники старинной русской литературы, вып. IV. СПб., 1862, стр. 31; В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 185—186. Ср. представление об Иване III как о «губителе» в «Послании вельможе Иоанну о смерти князя» 1494 г. (Я. С. Лурье. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель. — В кн.: Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 35—36, 42—43).

Третья, поздняя редакция Неозаглавленного письмовника словно предполагает общение с адресатами уже в более бытовом плане. Например, высший духовный адресат — митрополит или епископ — мыслится уже не как защитник от репрессий, а как материальный помощник: «пастыря» этого просят «упасти и извести на пажити», оказать «помощь и благодаание» и «благовестити нищим», даже бог назван «прещедрым и милостивым», а глас его «сладким». Или, например, в поздней редакции прибавлены новые послания таким «частным» адресатам, как чей-то брат или чей-то враг.

Лаконичному Неозаглавленному письмовнику стилистически противополжен письмовник «Посланием начало», который сосредоточился на компилировании и вариациях похвал только «вельможам». Исключительность адресатов подчеркнута здесь с разных сторон. «Вельможи» словно недосыгаемы иерархически: их род и «честь» восхваляются во всех посланиях, похвалы постоянно усиливаются количественными эпитетами («в великом чину своего добродетства ... паче сверстник своих», «паче всех человек», «во избранных превышшу», «многому в премудрости и множайшему в смиреннии» и т. д.). «Вельможи» для составителя письмовника являются морально-эстетическим идеалом: все они наделены тихостью, кротостью, ласковостью, добротой, а «красоту» их можно описать, лишь прибегнув к пейзажным сопоставлениям («аки солнечным лучем сияеши», «мню тебя своего господина, аки крин селный посреди терния процвел еси», «уподобился еси, господине, пчелинному трудолюбию и любостроению, яко же бо оны по полем летающе...») или сравнив адресата с «драгой приволокой», которая «многими и различными шолки испещрена». Наконец, мудрость «вельмож», начитанность и красноречивость — тоже обязательный элемент их характеристики. Причем послания письмовника обработаны в стилистическом соответствии с качествами адресатов. Вероятно, это одно из проявлений эпистолярного этикета: о «красоте» адресата говорится «красиво», с пейзажными уподоблениями, о «мудрости» — «мудро», с цитатами из «писания», о красноречии — красноречиво же, с подбором антитез, синонимов и т. п. Сразу бросаются в глаза повторы морфем, созвучия окончаний, рифмовка («не чясто тя, господине, видаю, а чясто тя, господина своего, поминаю») и даже аллитерации. Вот один из примеров: «... благородному и благоверному, боголюбивому и христоробивому, богом украшенному и богом превоснесенному, богом удромому, и целом удромому, и богом почтенному, богтя, господине, почел паче всех человек ... а красоту твою, господине, Христос учил ангельским чином». Или еще: «и я до себя вины ныне не вем никаковы», «сладостию божественных словес слажаеши душу» и т. д. Вообще эпитет «сладкий» — самый частый в этом письмовнике, а умение красиво говорить — одна из главных похвал адресатам («тихому в речи и красному в беседе»).

В Азбучном письмовнике послания из-за их краткости лучше всего рассматривать комплексами, тогда можно увидеть, какие ассоциации, темы, сравнения связывались с данным типом адресата. В этом тоже проявляется, наверное, эпистолярный этикет. Например, в образцовых посланиях к крупным церковникам встречаются обычно темы света и борьбы с ересями: «светильнику церковному, солнцу светлейшему ... светлосияюще, небеснаго разуму просвещением озарительнаго великого света яснозрительных херувим блистаяся», женщины-адресаты обычно сравниваются с птицами: «ластовице благообразной», «горлице смиренной» и т. д. Когда пишут к книжникам или к ученым друзьям, вспоминают и о природе, растениях, драгоценностях: «добролиственному и многоплодо-

витуму древу, драгия отрасли, ветви позлащенные», «древу при исходящих водных насажденному, книжному писанию учителю, плоду зрелому въздаятелю, листовию зеленому». Послания к военным основываются на военных ассоциациях: «полки», оружие, храбрость, победа и т. п. Иногда в письмовнике говорится о внешности адресата: «авраамских седилах» старца или о «дланях» матери. Однажды упоминается вид зданий — царские «позлащенные и превысачайшие полаты». Почти каждое качество адресата подчеркивается, усиливается разными способами, например: «в всех живущих ко спасению приводителю, разорителю же всех плевел ... спасителю в сеизрядному и во всех благих делех совершенному»; «орлу в высокопаривому, разуму остроумному, воину добродородному ... во оружии преизящному, в победе преславному...» и т. п. В целом же однообразный стилистический материал письмовника может служить некоторым подспорьем при изучении шаблонных представлений XVII в. о разных лицах в обществе.

Наконец, из узкоместных письмовников можно отметить Q.XVII.67 начала XVII в., содержащий много довольно красноречивых посланий. Одно из них к особе женского пола, монахине; автор признается: «мысль моя убо ужасается, сердце же подвизается, и язык связуется, не могу удержати сладости, побеждаюся всеми неизчетно добрыми ти, и изступаю умом, побеждает же мя желание» (л. 213).¹⁹ Письмовник собр. Тихонравова, № 380 почти полностью состоит из посланий литературного характера. Литературные произведения в составе письмовников — тема особой статьи.

Почему составляли письмовники? Можно заметить закономерность, правда, не всегда четко выраженную. Неозаглавленный письмовник появился перед падением Новгорода, во время борьбы Ивана III с новгородским боярством. Письмовник «Посланием начало» появился при малолетнем Иване IV, во время «боярского правления». Азбучный письмовник появился, по-видимому, после смерти Ивана IV, во время боярского засилия при Федоре Ивановиче. Некоторые местные письмовники появились в Смутное время. Все это периоды борьбы за власть: менялись правители и правящие группировки, менялась политическая обстановка, менялись и общественные авторитеты. В такое время обострялось внимание к системе этих авторитетов. Систему авторитетов пытались обозреть и нормировать. Письмовники, видимо, ценились не как справочники, пригодные лишь для извлечения разрозненных сведений. Их воспринимали как цельные произведения, как цельные обзоры — характеристики общественных авторитетов в данный момент и для данной среды. В связи с этим интересны такие проблемы: как выражались представления о системе авторитетов в разных жанрах письменности (например, Домострой, Разрядные книги, письмовники и т. д.) и как эпистолярный этикет связан с этикетом литературным?

¹⁹ К Кирилло-Белозерскому монастырю, например, был приписан женский монастырь воскресения Христова. См.: Н Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, т. 1, вып. 2. СПб., 1910, стр. 224.